

СЛОВО В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ

Богачевская И.В.

Проблема Слова в христианстве - одна из ключевых, затрагивающая сердцевину вероучения и пронизывающая его практику. Богословская мысль дала отличные от светской науки ответы на вопросы о функциях слова в Богопознании и его роли в религиозной жизни личности и Церкви. Любое исследование языка религии не может этот опыт игнорировать. Наша цель - не оценивать истинность богословского понимания соотношения человеческого языка и Божественной реальности, а проследить специфику христианского использования языка как средства религиозного познания и способа выражения религиозного сознания верующих, проанализировать христианскую богословскую концепцию Слова, роль слова в Священном Писании и Священном Предании, определить критерий авторитетности и истинности религиозных текстов, роль и значение слова в христианской религиозной традиции.

Под христианской Церковью понимается организация последователей Христа в том виде, в котором она сложилась до раскола Церкви в 1054 г. В понимании составляющих, места и роли в жизни Церкви Священного Писания у представителей разных христианских конфессий имеются порой значительные разногласия, но они в рамках нашего анализа не существенны и не рассматриваются. Помимо святоотеческих, цитируются труды современных богословов православной ориентации. Это вызвано не религиозными пристрастиями автора, а большей доступностью православной литературы. Приводимые точки зрения не вызывают разногласий в других конфессиях, за исключением по некоторым позициям протестантов и неохристианских сект. Статья сохраняет орфографию, принятую в богословской литературе.

Как любая религиозная практика, христианская традиция признает невозможность выразить словами непознаваемую сущность Бога. Бытие полнее слов. Человек способен постигать эффекты бытия, но не бытие. Религиозный опыт постоянно апеллирует к невербальным способам получения знания. Молчание не значит непонимание. Если человеку не о чем молчать, то ему не о чем говорить. "Молчание в богословии - дитя знания, а не невежества" (1,16).

Однако человечество "наговорило и написало" о Боге столько, что можно предположить, что либо Божественное действительно абсолютно невыражаемо человеческим словом, и, если до сих пор человечество не определилось в своих знаниях о Боге, то Богопознание в принципе невозможно, либо что Церковь имеет

особый способ, которым заставляет человеческое слово "работать на нужды религиозного познания.

Христианское богословие так разрешает проблему применимости языка к сфере Божественного: Бог не тождествен Своей непостижимости. Бог есть воля и Личность. Он не желает быть скрытым от людей. Поэтому Бог существует вне Самого Себя. Бог открывается людям так, что по Иоанну Дамаскину, не все в Нем познаваемо, но не все непознаваемо; не все познаваемое выразимо, но не все непознаваемое невыразимо (2,3).

Христианская традиция пытается вывести Богопознание из плена молчания, воплотив его в человеческий Логос, в слово, как воплотился Христос, сын Божий, в тело Иисуса, сына Марии.

Христианская традиция выделяет по отношению к языку три "сферы" божественного: 1) непознаваемое; 2) познаваемое, но непередаваемое через слова; 3) не чуждое человеческому слову.

Если нельзя найти адекватные слова, не значит, что не нужно искать слова наименее неподходящие. Богословие предполагает именно поиск наименее неподходящих слов. Он нужен не только в целях коммуникации. "Есть более глубокая причина - внутренний опыт человека тоскует без слов, он жаждет воплотиться в слова и жесты" (1,18). Это касается и мысли, ибо "невозможна неинкарнированная мысль" (3,114). Но и интуиция чтобы проявлять себя вовне нуждается в словах: даже прозорливый старец лишь словами может передать человеку то, что он прозрел в его душе.

По мнению христианского богословия, откровение дает опыт Богопросвещенности, но - кроме редких случаев Боговдохновенности - оно не дает слов для оформления этого опыта. Приходится пользоваться словарным запасом естественного языка. В памяти человека, пытающегося ословесить свой опыт, возникают слова, имеющие свой "горизонт смыслов". Никакое отдельное слово не может точно вербализовать религиозное знание, но многими словами можно ближе всего прикоснуться к ней. Наши "всеобщие" понятия, с точки зрения теологии, слишком обширны, грубы и неточны, чтобы определить единичное бытие. В миру нет слов, приспособленных для приложения к Богу. Если прямолинейно поставить знак равенства между человеческими понятиями и Богом - то Абсолют окажется вмещенным в ряд "денотатов", привычных для данного понятия. Бог не может быть категорией, Он единичен, вне нашего категориально-абстрагирующего мышления и через различение "вид-класс" неопределим (1,20).

Области бытия, где Бог, по убеждению верующих, касается нашего мира и опыта, эти граничные соприкосновения делает своим предметом богословие. Среди значений, которые в своем горизонте смыслов несет каждое слово богословия, оказывается некое,

которое не кажется Церкви слишком кощунственным, когда сквозь него пытаются опознать Творца. Отсюда понятно "многословие молитв".

В христианской традиции выделяется два источника Откровения, через которое Бог являет Себя людям - Предание и Писание. И Писание и Предание в свою очередь содержат множество составляющих разного значения.

Канон Священного Писания, образованный книгами Ветхого и Нового заветов, является в христианстве "боговдохновенным". Каждое слово его несет верующим Божественное откровение. Существует обширный корпус апокрифов, отличающихся друг от друга степенью признания их авторитетности различными церквями, которые "боговдохновенными" не считаются. Чтобы выяснить критерий отбора и деления письменных источников в христианстве на "боговдохновенные", "небоговдохновенные" и "ложные", необходимо обратиться к Священному Преданию.

В христианском богословии утверждается первенство Предания перед Писанием, т.к. устная передача апостольской проповеди предшествовала ее письменному утверждению в каноне Нового Завета. Однако если сводить всю разницу между Писанием и Преданием только к противопоставлению проповеди письменной и проповеди устной, речь будет идти лишь о различии форм существования проповеданного слова. Понятие Предания гораздо шире.

В патристике Предание иногда трактуется как учение, которое остается тайным и, во избежание профанации тайны непосвященными, не разглашается. Такое понимание, во-первых, выражалось практически во внутриобщинном делении на "верных", участвующих во всех таинствах церкви, и непосвященных, которых катехизация должна была постепенно подготовить к посвящению в таинства. Во-вторых, тайное предание (dogma) может быть открыто проповеданным, то есть стать "проповедью" (kerigma), когда необходимость (например борьба с какой-нибудь ересью) обязывает Церковь высказаться.

Различие между Преданием и Писанием глубже разницы между устной и письменной проповедью. Это различие, подчеркивая потаенный аспект предания и противопоставляя "сокровенную глубину устного учения, полученного от апостолов, тому, которое Церковь предлагает познанию всех (5,376), предполагает огромное число апостольских преданий, в которые погружена и которыми питается проповедь, и которые нельзя (в православии) устранить или игнорировать, т.к. это равносильно попытке "урезать" само Евангелие.

Примеры этих преданий: крестное знамение, обряды крещения, елеосвящение, свхаристическая эпikleза, обычай обращаться на

восток во время молитвы, не преклоняя колен в воскресные дни и др., относящиеся к сакраментальной и литургической жизни Церкви, образуют многоплановый контекст, существования как Писания так и Предания. Исключительно в русле этого контекста Богопознание становится в принципе возможным. Все многочисленные "неписанные обычаи и тайны Церкви" необходимы для адекватного восприятия не только Писания, но религиозного смысла всякой "проповеди", возможного лишь при сформированной в лоне Церкви конкретной когнитивной установки верующего. Откровенная Истина для верующих действительно не мертвая буква, а живое слово: к ней можно прийти только в Церкви через ее таинства.

"Предания", или незаписанные тайны церкви, приоткрывают лишь некоторые стороны "Предания" как сопричастности тайне, которая дается Откровением тем, кто посвящен в нее церковными таинствами. "...здесь горизонтальная линия "преданий", полученных из уст Спасителя и переданных апостолами и их преемниками, скрещивается с вертикальной линией Предания, с сообщением Духа Святого, в каждом слове Откровенной Истины раскрывающем перед членами Церкви бесконечную перспективу Тайны (5,376-377).

Итак Предание несводимо к сумме "преданий". Для точного определения Предания и его отличий от Писания, необходимо освободить его от всего, чем оно является "на горизонтальной линии Церкви", перейти через противопоставление слов, тайных и громко проповеданных, сопоставить "предание" и "проповедь". Основой противопоставления сокрытых преданий и открытой проповеди является слово. Оба эти явления - явное или тайное, но словесное выражение. И "предание" и "проповедь" всегда выражаются знаково - относится ли это к словам, письменным или устным, или же к немому языку, который воспринимается зрением (иконография, обрядовые жесты). Понятое в этом широком смысле слово в христианском богословии - не только внешний знак, определяющий то или иное понятие, но прежде всего - содержание, которое разумно самоопределяется и, воплощаясь, говорит о себе, включаясь в произносимую речь или любой другой способ внешнего проявления.

Если природа слова такова, то ничто открываемое и познаваемое не может остаться ему чуждым, будь то Священное Писание, проповедь или же "хранимые в молчании" апостольские предания.

Писание в христианстве - не собрание слов о Боге, а Слово Божие. Стремление отождествлять в Писаниях обоих Заветов присутствие в них Божественного Логоса с Воплощением Слова, Которым все Писание "исполнилось", в теологии не случайно. Потому что "Слово воплотилось" в Богочеловека - Христа, Писания воспринимаются верующими не как "исторические архивы Истины", а как ее живое

тело. Следовательно обладать Писанием можно только через Церковь - Единое Тело Христо^{во}.

Идея Воплощенного слова цементирует деятельность всех конфессий христианской Церкви. Возможность христианской иконописи, догматических определений, экзегезы, литургии - то, что в Церкви Христовой сопричастно неограниченной полноте Слова, обосновывается через Божественное Откровение. Во "всецелостности Воплощенного Слова все, что выражает Богооткровенную Истину, родственно для христиан Писанию, и, если бы все существующее стало "Писанием", "самому миру не вместить бы написанных книг (Ин.21,26).

Если противопоставить Предание всему, что представляется реальностью слова, получается, что Предание - это то молчание, особенности которого отмечались выше. Христианские богословы подчеркивают, что в Откровении содержатся некие зоны молчания, недоступные слуху "внешних". Оно передается Церковью вместе со словами Откровения как условие его восприятия.

Итак, если Писание и все, что может быть сказано или написано словами, литургическими изображениями или иными символами - различные способы выражения религиозной истины, то Священное Предание - единственный способ эту Истину воспринять. Но нельзя ни познать христианской Истины, ни понять слов Откровения, не приняв Духа Святого, ведь "там, где дух Господень, там и свобода" (Кор.3,17). В.Лосский определяет Предание как "жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова (церкви - прим. автора) способность слышать, понимать, познавать Истину в присущем ей свете, а не естественном свете человеческого разума" (5,380). Он подчеркивает независимость Предания от исторических случайностей или естественной обусловленности, от всего, живущего "по преданиям человеческим, по стихиям мира, а не по Христу" (Кол.2,8).

Взаимодействие Слова и Духа двойственно. С одной стороны, Духом Святым воплощается Слово от Девы Марии. С другой, последствуя Воплощению Слова, Искуплению, Дух Святой сходит на членов Церкви в день Пятидесятницы. В первом случае предшествует Святой Дух, чтобы стало возможным Воплощение. Здесь роль святого духа функциональная: Он - сила Воплощения, виртуальное условие принятия Слова. Во втором случае предшествует Сын Божий, который посылает Святого Духа, от Отца исходящего. Но главенствует Дух: Он сообщается членам Тела Христова, чтобы обожить их благодатью. Следовательно теперь роль воплощенного Слова в свою очередь функциональна по отношению к Духу: Он - форма, как бы "канон" освящения, формальное условие принятия Святого Духа (5).

Богословский анализ функций и роли слова в христианской религиозной традиции противоположен научному подходу. Богословские трактовки Священного Предания и Священного писания приводят нас к теологическим понятиям "Воплотившегося Слова" и "Святого Духа" как двойного условия полноты Откровения, выразившегося в христианском Священном Писании и Священном Предании. Именно принятие этого условия дает возможность использовать язык для передачи религиозного знания. Вне парадигмы христианского религиозного сознания любые спекуляции на эту тему бессмысленны, т.к. с точки зрения логико-смыслового анализа любое религиозное высказывание некогнитивно.

Для светского историка религии единство ветхозаветных книг, создававшихся в течение многих веков различными авторами, соединявших различные религиозные традиции, достаточно случайно и механистично, их единство с Новым Заветом представляется натянутым и искусственным. А верующий через Предание видит во всех священных книгах единое вдохновение Воплощенного Слова в Духе Святом.

Именно способность апостольской Церкви, благодаря сошествию на ее сынов Духа святого, отличать истинное слово от ложного в свете того же Святого духа дает критерий определения принадлежности того или иного текста к церковному Преданию, или ложности по отношению к нему. Критерий авторитетности и подлинности священных текстов, основанный на понятии "Святого Духа" абсолютно не совпадает с понятием "подлинности", бытующим в исторических науках. Этим критерием пользуется христианское духовенство, исправляя неизбежные (в частности, при переписывании) искажения священных текстов, хотя некоторые "традиционалисты" придают иной раз мистический смысл даже ошибкам переписчиков. На основании его Церковь порой признает в какой-либо более поздней интерполяции (например в сощто "трех небесных свидетелей" 1-го послания Иоанна) подлинное отражение откровенной Истины.

В эпоху письменного закрепления апостольских преданий, истинные и ложные устные тексты выкристаллизовались в многочисленные апокрифы. Дополнения апокрифического происхождения придают окраску литургике и иконографии некоторых праздников православия и католичества, извлекающих из них то, что может дополнять события, о которых умалчивает Писание, но которые Предание считает достоверными. Протестанты корпус апокрифов отвергают. Определяя авторитетность апокрифа, Церковь не ставит вопрос об обязательной подлинности апокрифических текстов, а рассматривает в свете Предания их содержание. Другой критерий отбора устных преданий, особенно относящихся к обычаям и

установлениям, сформулирован св. Викентием Лиринским - *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus* (то, что всегда, везде и всеми принято) - можно всецело относить только к апостольским преданиям 2-3х вв. Еще менее эта формула применима к догматическим определениям.

Догматы Церкви, несмотря на "святость" слов, их составляющих, необходимо изменяются со сменой обстоятельств жизни Церкви. Догматы постоянно обновляются, но "обновлять догматическое предание" - не значит в христианстве заменять старые выражения более понятными и богословски лучше разработанными. Иначе пришлось бы признать, что "ученое христианство" современных профессоров богословия прогрессивнее "примитивной веры" апостольских учеников.

Формулируя новый догмат, Церковь опирается на уже существующие, которые являются правилами веры как для нее, так и для ее противников, сообразуясь с изменяющимися реалиями времени, определяет грань веры и ереси. Нельзя принадлежать Преданию, оспаривая догмат, как нельзя пользоваться принятыми ранее догматическими формулами для оспаривания новых догматов. Догматы живут и в Писании и в Предании, с той разницей, что канон Священного Писания - закрытая система, исключающая всякую возможность последующего изменения, а "догматическое предание", сохраняя неизменность "правил веры", из которых ничего не может быть изъято, являясь открытой для дополнений системой, может, по мере необходимости, включать новые, сформулированные Церковью выражения вечной Богооткровенной Истины. Полнота Истины, которую они выражают, но никогда не могут до конца объяснить, позволяет сближать догматы Церкви со Священным Писанием.

Исходя из вышесказанного, представляется абсолютно естественным для христиан всех конфессий особое отношение к Слову, основанное на безоговорочной вере в его божественную истинность и святость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кураев А. Традиция. Догмат. Обряд. Апологетический очерк. - М., 1995.
2. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. - СПб., 1894.
3. Бахтин М.М. Философия поступка// Философия и социология науки и техники. 1984-1985. - М., 1986.
4. Мамардашвили М. Метафизика А. Арто//Литературная Грузия. - 1991. - №1.
5. Лосский В. Предание и предания// Традиция. Догмат. Обряд. - М., 1995.